

СОБЫТИЯ И ВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРВАЛЫ В ОНТОЛОГИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА¹

Петр Сергеевич Куслий — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: kusliy@yandex.ru

Petr Kusliy — Ph.D. in philosophy, research fellow at the Institute of Philosophy, RAS.

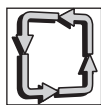
EVENTS AND TIMES IN THE ONTOLOGY OF NATURAL LANGUAGE

В развитие предложенной Александром Леонидовичем темы объектов, из которых конституируется жизненный мир человека, хотелось бы поговорить о тех его элементах, которые не оказывают на нас прямого, непосредственного воздействия, которые не подвергаются чувственной интерпретации как нечто единое, но которые тем не менее могут быть выявлены косвенным образом посредством языка, ибо рассматриваются в нем (интерпретируются) в качестве индивидуальных объектов. Апелляция к абстрактным объектам науки, артефактам, истинностным значениям и даже возможным мирам как конкретным объектам, существующим в нашем мире и являющимся его полноправными элементами, неоднократно обсуждалась в философской литературе, в том числе и на страницах этого журнала². В этот раз хотелось бы поговорить об онтологическом статусе временных интервалов и событий, а также их представленности в естественном языке. Ниже мы постараемся показать, каким образом такие крайне абстрактные явления, как временные интервалы и события, оказываются объективированными в естественном языке (который, согласно верному замечанию Александра Леонидовича, может рассматриваться в качестве выполняющего важную конституирующую функцию в формировании предметной основы жизненного мира человека) и должны иметь право на свое место в онтологии жизненного мира человека.

Временные интервалы (отрезки времени) при всей неоднозначности своей природы, не говоря уже о природе и сознании времени вообще [Августин, 2011; Гуссерль, 1994], оказываются существующими в жизненном мире людей наравне с индивидуальными объектами. События, такие, скажем, как намазы-

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00872.

² См., например, панельные дискуссии, посвященные онтологии артефактов (Эпистемология и философия науки. 2011. № 2), онтологии индивидуальных объектов (Эпистемология и философия науки. 2012. № 2), статьи об онтологии истинностных значений, в частности [Горбатов, 2010] и др.

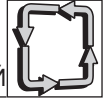
вание маслом хлеба, осуществляемое неким человеком в некоторое время (и, разумеется, в некотором месте), также являются элементом нашего мира. Если некто считается высоким, то это обстоятельство, сколь бы субъективным по своей природе оно ни было, тоже указывает на существование определенной меры или степени, соответствие которой делает человека высоким.

Чтобы не быть голословным и не вводить огульно в онтологию жизненного мира те или иные объекты на том лишь основании, что связанные с ними языковые выражения могут быть именами существительными, обратимся к некоторому критерию, способному квалифицировать конкретные выражения как обозначающие, а те или иные объекты как существующие. Со времен работ У. Куайна [Quine, 1939] таким критерием считается квантификация: существуют только те объекты, над которыми пробегает индивидные переменные языка или которые обозначаются именами собственными, которые Куайн считал квазипеременными. Лозунг Куайна гласит: существовать значит быть значением связанной переменной.

Применение данного критерия к естественно-языковым выражениям будет рассматриваться нами как способ продемонстрировать те сущности, которые допускаются в естественном языке в качестве существующих: если над объектами определенного типа в естественном языке осуществляется квантификация, то, следовательно, есть основание считать их принадлежащими к онтологии естественного языка.

Демонстрация наличия в естественном языке переменных изначально является задачей нетривиальной, поскольку в естественном языке в отличие от формализованного переменные не могут быть просто введены в словарь посредством соответствующего постулата. Переменные естественного языка, если они вообще существуют, должны быть *открыты* или, иначе говоря, обнаружены, а не постулированы, поскольку естественный язык не конструируется, а является изначально данным нам естественным феноменом.

Основание полагать, что в качестве индивидных переменных естественного языка могут рассматриваться личные местоимения, имплицитно подразумевалось философами и логиками с самого начала становления логической семантики в работах Г. Фреге и Б. Рассела. Явные параллели были впервые проведены Куайном в его книге «Слово и объект» [Quine, 1960]. Впоследствии эти идеи получили развитие в работах философа П. Гича [Geach, 1962], лингвиста Л. Карттунена [Karttunen, 1969] и многих других исследователей, работающих в области формальной семантики естественного языка [Partee, 2011]. Главным наблюдением в этой области является то, что предложение «Он болен» означает, что болен конкретный человек (кто именно — зависит от контекста употребления выражения). То же относится к выражению первопорядковой логики предикатов $P(x)$, которое оз-

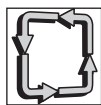

начает, согласно семантике А. Тарского, что индивидуальный индивид x является элементом множества P , однако свободная переменная x не является постоянной, а задается одной из так называемых означающих функций, обычно обозначаемой как g . Сходным образом в предложении «Каждый человек думает, что он умен» местоимение «он» может либо обозначать какого-то одного конкретного индивида (опять выступая в качестве свободной переменной), либо использоваться подобно связанной переменной, тогда его значение становится зависимым от выражения «каждый человек» (подробнее об это см., например, [Бах, 2010]). А если так, то, руководствуясь описанным выше критерием Куайна, мы можем признать, что в онтологию естественного языка должны входить индивидуальные объекты, поскольку над ним в естественном языке осуществляется квантификация.

Логико-философские и лингвистические исследования интенциональных глаголов и других модальных выражений естественного языка показали, что естественный язык предполагает и квантификацию по таким абстрактным объектам, как возможные миры [Hintikka, 1969; Lewis, 1973; Kripke, 1972; Kratzer, 1981; 1991]. Если так, то и их следует отнести к объектам жизненного мира человека, конституируемым языком.

Для того чтобы увидеть присутствие в естественном языке квантификации над временными интервалами и событиями как нечто действительно существующее, а не просто постулируемое для удобства формального композиционального анализа естественно-языковых выражений, нам следует обратиться к более технически нагруженному инструментарию, используемому для анализа глаголов и их так называемой функциональной проекции, а также анализа грамматического времени естественно-языковых выражений.

Семантика грамматического времени изначально разрабатывалась А. Прайором [Prior, 1967]. Согласно его анализу, время рассматривается исключительно как метаязыковой параметр оценки предложений. Данный анализ не предполагает квантификации по временным интервалам (или иным единицам времени). Однако при всей значимости концепции Прайора для исследований в области семантики времени применение его теории к естественно-языковым выражениям вызывает проблемы. Во-первых, данный анализ не является композициональным и исключает возможность объяснить, за счет чего интерпретация глагола «делает» отличается от интерпретации глагола «делал». Во-вторых, даже если сделать анализ Прайора композициональным, то получающееся в результате рассмотрение временных морфем как операторов, манипулирующих параметрами интерпретации тех выражений, с которыми они сочетаются, и вводящих в их интерпретацию квантор существования, не позволяет выявить все существующее в естественном языке прочтение для того же прошедшего времени (предложение «Раиса Максимовна вышла замуж за человека, став-

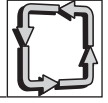
шего президентом», в рамках анализа Прайора сможет проинтерпретировать данное предложение только как предполагающее, что президентство предшествовало браку — подробнее см. [Kusumoto, 2005]). В-третьих, существуют серьезные основания рассматривать временные морфемы глагола как переменные: в [Partee, 1973] сформулирован аргумент о том, что предложение «Я не выключил утюг» будет тривиально истинно, если его интерпретировать следующим образом: в прошлом существует момент (отрезок) времени *t*, такой, что я не выключаю утюг в *t*. Желаемый смысл это предложение обретет, если рассматривать временную морфему прошедшего времени как свободную переменную, обозначающую тот или иной момент в прошлом в зависимости от контекста³.

Из сказанного следует, что попытка адаптировать семантику грамматического времени Прайора к анализу естественного языка приводит к необходимости вводить квантификацию по отрезкам времени (как бы ни понималась онтология времени, что для вопросов семантики естественного языка решающего значения не имеет [von Stechow, 2009]). Но если так, значит, согласно критерию Куайна, в естественном языке предполагается существование временных отрезков.

В заключение обратимся к анализу естественно-языковых выражений в терминах событий. Идея интерпретировать глаголы не в качестве предикатов индивидов, а в качестве предикатов событий, понимаемых как онтологические сущности особого рода, принадлежит философу Д. Дэвидсону [Davidson, 1967]. Данная семантика имеет целый ряд преимуществ, в частности позволяет успешно анализировать случаи модификации глаголов наречиями времени и места (см.: [Татовосов, 2013]). Но если оценивать семантику событий исключительно с точки зрения удобства, то ее вряд ли можно будет признать однозначно демонстрирующей присутствие в онтологии естественного языка таких сущностей, как события [Черняк, forthcoming]. Однако семантика глагольного вида ([Reichenbach, 1947; Klein, 1994; Падучева, 1996, и др.]) делает необходимой (или как минимум крайне желательной) квантификацию по событиям.

Коротко говоря, для того чтобы выразить семантическое различие между глаголами «делал» (несовершенный вид) и «сделал» (совершенный вид) следует обращаться к событиям, а точнее, к тому времени, когда они имели место. Согласно стандартному, школьному пониманию глагольного вида, глагол совершенного вида сообщает о выполненном (законченном) действии, тогда как глагол несовершенного вида — лишь о выполнявшемся (незаконченном) действии. Формально данное различие в большинстве современных исследований выражается через понятие так называемой точки отсчета, введенное Г. Райхенбахом. Ретроспективное отношение точки (или времени) отсчета к времени события соответствует совершенному виду

³ Об этих и других особенностях семантики грамматического времени см., например, [von Stechow, 2009].

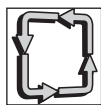
[Падучева, 1996]. Иначе говоря, если временной интервал события включен во временной интервал отсчета (последний его содержит), то данное отношение характеризует совершенный вид. Если же точка отсчета синхронна времени события (или, иначе, время отсчета содержится во времени события), то это соответствует несовершенному виду. Глагольный вид, таким образом, рассматривается как определяющий отношение между временем события и временем, условно называемым «точка отсчета».

Однако если сам глагол, согласно семантике Дэвидсона, это лишь предикат событий, то необходимо в логическую форму предложения ввести то или иное событие, которое будет обеспечивать возможность всех этих соотношений. В современных формально-семантических исследованиях событие вводится в логическую форму предложения именно через категорию глагольного вида, которая рассматривается в качестве составного элемента семантики глагола. Единство и последовательность композициональной деривации условий истинности предложений с учетом видовременной специфики содержащихся в них глаголов осуществляются, как правило, через рассмотрение грамматического времени как обозначающего упомянутую точку отсчета [Hinrich, 1981; Partee, 1984; Kratzer, 1998]: морфема времени обозначает райхенбаховскую точку отсчета, а морфема вида вводит событие и его отношение к точке отсчета.

Таким образом, квантификация по событиям обретает не просто вспомогательную, а ключевую функцию в процессе интерпретации естественно-языковых выражений. А это в свою очередь делает события наряду с временными интервалами неотъемлемыми элементами онтологии естественного языка или, следуя в русле рассуждений Александра Леонидовича, обязательными частями жизненного мира человека, объективированными в используемом им языке.

Библиографический список

- Августин, 2011 — Аврелий Августин. Исповедь. Land Libs, 2011.
 Бах, 2010 — Бах Э. Неформальные лекции по формальной семантике. М., 2010.
 Горбатов, 2010 — Горбатов В.В. Из чего «сделаны» истинностные значения? // Эпистемология и философия науки. 2010. № 3. С. 82–94.
 Гуссерль, 1994 — Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М. : Гнозис, 1994. С. 49.
 Падучева, 1996 — Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
 Татовосов, 2013 — Татовосов С.Г. Семантика события как эмпирическая проблема // Философия языка и формальная семантика ; под ред. П.С. Куслия. М. : Альфа-М, 2013. С. 9–42.
 Davidson, 1967 — Davidson D. The Logical Form of Action Sentences, 1967.
 Geach, 1962 — Geach P.T. Reference and Generality. N.Y., 1962.
 Hintikka, 1969 — Hintikka J. Semantics for Propositional Attitudes. Springer Netherlands, 1969.

- Karttunen, 1969 — *Karttunen L.* Pronouns and Variables // Chicago Linguistic Society. 1969. Vol. 5.
- Klein, 1994 — *Klein W.* Time in Language. L.; N.Y., 1994.
- Kratzer, 1981 — *Kratzer A.* The notional Category of Modality. Words, worlds, and contexts. 1981. P. 38–74.
- Kratzer, 1991 — *Kratzer A.* Modality // Semantics: an International Handbook of Contemporary Research ; A. von Stechow, D. Wunderlich (eds.). 1991. P. 639–650.
- Kratzer, 1998 — *Kratzer A.* More Structural Analogies between Pronouns and Tenses // Semantics and Linguistic Theory. 1998.
- Kripke, 1972 — *Kripke S.A.* Naming and Necessity. Springer Netherlands, 1972.
- Kusumoto, 2005 — *Kusumoto K.* On the Quantification over Times in Natural Language // Natural Language Semantics. 2005 Vol. 13, № 4. P. 317–357.
- Lewis, 1973 — *Lewis D.* Counterfactuals. Cambridge, 1973.
- Partee, 1973 — *Partee B.H.* Some Structural Analogies between Tenses and Pronouns in English // The Journal of Philosophy. 1973. P. 601–609.
- Prior, 1967 — *Prior A.N.* Past, Present, and Future. 1967. Vol. 154. Oxford : Clarendon Press, 1967.
- Quine, 1939 — *Quine W.* Designation and Existence // The Journal of Philosophy. 1939. P. 701–709.
- Quine, 1960 — *Quine W.* Word and Object. Cambridge, 1960.
- Reichenbach, 1947 — *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. McMillan, 1947.
- von Stechow, 2009 — *Stechow. A. von.* Tenses in Compositional Semantics // The Expression of Time. 2009. P. 129–166.
- Partee B.H. Some structural analogies between tenses and pronouns in English. The Journal of Philosophy. Hanover, Pennsylvania, 1973. P. 601–609.
- Prior A.N. Past, Present and future. Vol. 154. Oxford, 1967.
- Quine W. Word and object. Cambridge, 1960.
- Reichnbach H. Elements of Symbolic Logic. London, 1947.
- Von Stechow A. Tenses in cosmopolitan semantics. The expression of time. Berlin, 2009. P. 129–166.

References

- Avgustin.* Isповед' (Augustine. Confessions). Moscow, 2011.
- Bah Je. Neformal'nye lekicii po formal'noj semantike (Informal lectures on formal semantics). Moscow, 2010.
- Gorbatov V.V. Iz chego «sdelany» istinnostnye zhachenija? (What are the true meanings made of?). Epistemology and philosophy of science. 2010. Vol. 25, no. 3. P. 82–94.
- Gusserl' Je. Fenomenologija vnutrennego soznania vremeni (Husserl E. On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time). Moscow, 1994.
- Paducheva E.V. Semanticheskie issledovanija (Semantic issues). Moscow, 1996.
- Tatevosov S.G. Semantika sobytija kak jempiricheskaja problema (Semantics of the event as an empiric problem). Filosofija jazyka I formal'naja semantika: sbornik statej; pod red. P.S. Kuslija – Philosophy of language and formal semantics: collected papers (ed. by. P. Kusliy). Moscow, 2013. P. 9–42.